

Между прагматизмом и ритуалом: конструирование отношений с КНДР в китайском экспертном и официальном дискурсе¹

Александра Игоревна Степанюк,

младший научный сотрудник отдела китайских исследований Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, Владивосток.
E-mail: aleksandras_ihaefe@mail.ru

Цель данной статьи — определить рамки экспертного и официального дискурса Китая в отношении КНДР. На основе публикаций китайских исследователей, официальных правительственных документов, региональных программ пров. Ляонин, Цзилинь и Хэйлунцзян, а также материалов информационных проправительственных платформ проведён обзор академического, политического и экспертно-пропагандистского уровней коммуникации. Автором исследуется конструирование образа Северной Кореи в китайском общественном и экспертном пространстве, выявляются основные нарративы и пути их распространения. Рассматриваются методы критического дискурс-анализа, позволяющие раскрыть практику создания реальности через тексты и высказывания. Рассмотрены различные аспекты двусторонних отношений, включая экономическую зависимость, политическую ненадёжность и геополитическую роль Северной Кореи в региональном балансе сил. Особое внимание уделено роли КНДР как инструмента реализации китайских национальных интересов, а также специфике взаимодействия провинций Китая с соседом. Сделаны выводы о значении приграничных регионов Китая, функционирующих в качестве управленческих центров и экономических партнёров, выполняющих роль стабилизаторов отношений. Отдельно проанализированы метафоры и умолчания, используемые китайскими авторами для определения характера отношений, оценки перспектив сотрудничества и способов влияния. Это позволяет не только зафиксировать различия в риторике, но и продемонстрировать их единый вектор, выявить скрытые

¹ Статья подготовлена при поддержке гранта РНФ, проект № 25-18-20055: «Интересы и политика развития сопредельных с Россией территорий КНР и КНДР: согласование и взаимная адаптация стратегий как фактор социально-экономического развития юго-восточной части Дальневосточного федерального округа (ДФО)».

механизмы формирования политики и представить целостную модель, в рамках которой КНДР предстаёт как «инструментальный актив» и объект прагматичного управления. Статья раскрывает сложность и многослойность китайского дискурса о КНДР, определяющего стратегию взаимодействия и восприятие северокорейского соседа в современном международном контексте. Таким образом, данная работа открывает новый взгляд на изучение китайско-северокорейских отношений, показывая сложную природу межгосударственного диалога, и имеет практическую значимость для российского Дальнего Востока, граничащего с провинциями — ключевыми акторами взаимодействия с КНДР.

Ключевые слова: китайско-северокорейские отношения, дискурс-анализ, академический дискурс, официальный дискурс, образ КНДР.

Between Pragmatism and Ritual: The Construction of Relations with the DPRK in Chinese Expert and Official Discourse.

Aleksandra Stepaniuk, Institute of History, Archaeology and Ethnology of the Peoples of the Far East, FEB RAS, Vladivostok, Russia. E-mail: aleksandras_ihaefe@mail.ru.

This paper aims to identify the expert and official discursive framework constructed by China in relation to the DPRK. Drawing on publications by Chinese researchers, official documents, regional programs of Liaoning, Jilin and Heilongjiang provinces, and pro-government media platforms, the study examines the academic, political, and expert and propaganda levels of communication. Using critical discourse analysis, it explores how North Korea's image is constructed in Chinese expert and public spaces, identifying key narratives and rhetorical strategies. The analysis covers various aspects of bilateral relations—economic dependence, political unreliability, and the geopolitical role of the DPRK in regional balance of power—with special attention to North Korea as an instrument for realizing Chinese national interests and the specific role of border provinces as administrative centers stabilizing the relationship. The metaphors and omissions used by Chinese authors to define the relationship and establish leverage are analyzed separately. This approach reveals not only differences in rhetoric but also their unified vector, exposing hidden mechanisms of policy formation and presenting a holistic model in which the DPRK emerges as an “instrumental asset” and an object of pragmatic governance. The paper demonstrates the complexity and multi-layered nature of Chinese discourse on the DPRK, which shapes interaction strategies and perceptions of the northern neighbor. Thus, it contributes a new perspective to the study of China-DPRK relations, highlighting the complexity of interstate dialogue and also holds practical significance for the Russian Far East, which borders the provinces that are key actors in interaction with the DPRK.

Keywords: China-DPRK relations, discourse analysis, academic discourse, official discourse, image of the DPRK.

*«Язык дан человеку для того,
чтобы скрывать свои мысли»
Шарль Морис де Талейран*

ВВЕДЕНИЕ

Отношения Китая и КНДР представляют собой один из наиболее закрытых и одновременно стратегически значимых узлов в системе международных отношений Северо-Восточной Азии (далее — СВА). На протяжении десятилетий эти связи традиционно описывались через риторику «нерушимой дружбы, скреплённой кровью», уходящую корнями в период Корейской войны. Однако за парадным фасадом содержание двусторонних отношений остаётся сложным, многомерным и зачастую противоречивым. В этой ситуации ключом к пониманию китайско-северокорейских отношений может стать анализ дискурса — того, как именно о КНДР говорят в Китае, какие образы конструируют, какие нарративы воспроизводят и о чём молчат.

Китайский дискурс о КНДР неоднороден и существует на двух уровнях: академическом (экспертно-аналитическом), представленным научными статьями китайских авторов, где допускается относительно свободный анализ проблем, рисков и возможностей, связанных с северокорейским соседом, и официальном, включающим стратегические документы центрального правительства, пятилетние планы развития, региональные программы приграничных провинций, а также дипломатические практики (обмен посланиями, совместные заявления). Их сопоставление позволяет не только выявить декларируемые позиции, но также проследить, как на разных уровнях конструируется образ КНДР и выстраивается стратегия взаимодействия с ней. Понимание китайского дискурса в отношении КНДР важно и для российского Дальнего Востока, который соприкасается своими южными границами с двумя этими государствами.

Отношения Китая и КНДР привлекают пристальное внимание исследователей как в России, так и за рубежом. Авторы проводят историко-политологический анализ двусторонних связей, рассматриваемых в контексте международных отношений в СВА. Российские учёные (И.С. Ланцова, К.В. Асмолов, Р.В. Вакс) исследуют эволюцию отношений и экономическую зависимость КНДР от Китая [1; 2; 4]; западные авторы (А. Кэткарт, К. Грин) фиксируют разрыв между риторикой и реальными действиями двух стран [5].

Однако большинство работ сосредоточено на анализе действий, политик и стратегий. Значительно реже объектом исследования становится то, как Китай говорит о КНДР в своём

публичном и экспертном пространстве. Не предпринималось и попыток сопоставить разные уровни дискурса, каждый из которых выполняет свою функцию в формировании общей политики.

В настоящей работе проводится анализ дискурсивной рамки в риторике Китая в отношении КНДР, охватывающий как экспертно-академические публикации китайских авторов, так и правительственные источники. Исследование опирается на традицию критического дискурс-анализа (Т.А. ван Дейк [3], Р. Водак и М. Мейер [10]), в рамках которой дискурс понимается не просто как совокупность текстов, а как социальная практика конструирования реальности. В работе применяются такие инструменты критического дискурс-анализа, как анализ метафор (в традиции Дж. Лакоффа [7]), выявление стратегий позитивной самопрезентации Китая и «скрытых» способов репрезентации КНДР, а также фиксация зон умолчания через сопоставление академических и официальных текстов. Дополнительно используется концепция «многоуровневого анализа», позволяющая разграничить академический, официальный и экспертно-пропагандистский промежуточный дискурсы, но одновременно установить взаимосвязь всех уровней.

АКАДЕМИЧЕСКИЙ ДИСКУРС: КНДР КАК «ПРОБЛЕМНЫЙ АКТИВ»

Китайское академическое пространство представляет собой среду, где формируется и развивается дискурс о КНДР. В своих работах китайские исследователи получают возможность относительно свободно и детально анализировать различные аспекты двусторонних отношений — от экономической эффективности сотрудничества до геополитических рисков и внутренних проблем северокорейской системы. Эксперты разрабатывают концептуальные подходы, определяют «болевые точки» и формулируют практические рекомендации, которые впоследствии могут быть использованы на различных уровнях для принятия решений. Анализ академического дискурса позволяет конструировать образ КНДР в китайском экспертном сообществе: как оцениваются перспективы сотрудничества и какие модели взаимодействия с северокорейским соседом считаются наиболее адекватными в современных условиях. В ходе исследования выделяются несколько нарративов, которые фактически неотделимы друг от друга, они пересекаются или противоречат друг другу, отражая различие взглядов в экспертном сообществе и сложность отношений двух стран.

Дискурс зависимости

В дискурсе зависимости КНДР представлена как страна, чья выживаемость зависит от китайской поддержки. Наиболее открыто этот тезис формулирует Лю Юйянь: «...если Китай откажется от бизнеса с Северной Кореей, её экономика, вероятно, быстро рухнет» [18, с. 56]. Автор подкрепляет этот вывод данными, что в 2016 г. на фоне международных санкций доля Китая в торговле КНДР достигла 92%. Схожую позицию развивают Цюань Чжэнань и Ли Гэнцян, указывая, что рост добычи железной руды и угля в 2000-х гг. стал возможен именно благодаря китайским инвестициям [21, с. 25]. С одной стороны, дискурс зависимости демонстрирует неравенство отношений, с другой — создаёт ощущение контроля: если КНДР зависима, то ею можно управлять, используя экономические рычаги для достижения политических целей.

Дискурс ненадёжного партнёра

Если дискурс зависимости создаёт ощущение мощи Китая и ставит его в сильную позицию, то дискурс ненадёжного партнёра фокусируется на непредсказуемом и непоследовательном поведении КНДР, которая не оправдывает «очевидных ожиданий» КНР. Этот нарратив концентрируется на уровне регионального экономического взаимодействия китайских компаний, работающих с северокорейскими партнёрами. Наиболее развёрнуто эта проблематика представлена у Лю Юйянь, который описывает проблемы ведения бизнеса с КНДР: отсутствие адекватной банковской системы, девальвация воны, 80% наличных расчётов, отсутствие банковских гарантий. Особое внимание уделяется «двойным контрактам» и частым случаям мошенничества, что создаёт для китайских компаний факторы неприемлемых рисков [18, с. 57—58].

Более жёсткая форма дискурса прослеживается у Цюань Чжэнаня и Ли Гэнцяня: «...северокорейская сторона сверху донизу должна сформировать рыночные привычки уважения к договорённостям и их соблюдению» [21, с. 26]. Иными словами, Китай готов инвестировать и сотрудничать, но требует от партнёра предсказуемости и надёжности, которых в северокорейской экономической культуре нет.

Некоторые китайские авторы предлагают и вовсе вернуться к бартерным расчётам как к более надёжным, с их точки зрения, механизмам взаимодействия с КНДР. Так, Му Дай пишет: «Зона экономического и торгового сотрудничества... должна поэкспериментировать с использованием трёх валют или других методов расчётов (бартерные расчёты)» [19].

Дискурс геополитического буфера

Дискурс геополитического буфера представляет КНДР как стратегический ресурс, значимость территории которого резко возрастает в условиях эскалации китайско-американского соперничества. Этот нарратив, отчётливо прослеживающийся в работах последних лет, объединяет экспертов, которые видят в Северной Корее противовес альянсу США — Япония — Южная Корея. Чжэн Чжичао напрямую связывает плотный контакт Пекина и Пхеньяна с жёсткостью политики США [28, с. 129, 132]; Чжао Фашунь и Коу Юй, призывая к защите суверенитета, рассматривают КНДР как естественного партнёра в противостоянии общему давлению, а не как идеологического союзника [27, с. 65]; Му Дай вкладывает в трёхстороннее экономическое сотрудничество с участием КНДР военно-стратегический смысл — создание сдерживающего фактора для США, Японии и Южной Кореи [19]. Таким образом, в этом дискурсе экономические связи с КНДР напрямую связываются с задачами стратегического сдерживания и обеспечения безопасности Китая.

Дискурс контролируемых рисков

Согласно дискурсу контролируемых рисков, проблемы есть, но они преодолимы при правильной стратегии. Чэнь Минхуэй, разбирая проблему выхода пров. Цилинь к морю, не замалчивает проблемы: КНДР контролирует устье р. Туманной, а российско-северокорейский мост высотой 9,6 м блокирует проход судов. Однако он рассматривает эти препятствия как «вызовы, которые могут быть преодолены через создание сообщества общих интересов» [11, с. 92]. Ван Хайли предлагает шесть сценариев решения проблемы и оценивает КНДР как сложного, но управляемого партнёра, с которым нужно работать поэтапно: «...различать внутренние ситуации... и осуществлять двустороннее сотрудничество... в соответствии с принципом движения от лёгкого к трудному» [31, с. 4]. В этом дискурсе даже международные санкции не воспринимаются как фатальная угроза — они рассматриваются как временное неудобство в ожидании «окна возможностей».

Академический дискурс представляет интерес не только своими нарративами, но и самим языком описания и тем, какие метафоры выбирают авторы для характеристики своего соседа. Они определяют угол восприятия, закрепляют за КНДР определённую роль и, что особенно важно, конструируют асимметрию между активным Китаем и пассивной, нуждающейся в поддержке Северной Кореей. Тан И, описывая потенциальное

участие Пхеньяна в инициативе «Один пояс, один путь», говорит: «КНДР может „оседлать попутный скоростной поезд“ „Пояса и пути“» [23, с. 38]. Так, Китай — локомотив, он задаёт направление, скорость и маршрут, а КНДР — попутчик, которому необходимо присоединиться для достижения своих целей. Это сравнение демонстрирует неравность двух партнёров.

Эта же логика отражается в метафоре «спасательного круга», которую использует Му Дай. Анализируя тяжёлое экономическое положение Северной Кореи после пандемии и санкций, автор пишет, что создание трёхсторонней зоны сотрудничества может стать для Пхеньяна «спасательным кругом», позволяющим «ослабить огромное давление на свою испытывающую трудности внутреннюю экономику» [19]. Китай в этой ситуации — в роли спасателя, а КНДР — обречённый утопающий.

Ван Хайли, анализируя положение пров. Цзилинь, говорит о необходимости превратить регион из «тупиковой зоны» в «транзитный коридор» [11, с. 98]. В контексте Корейского полуострова эта метафора создаёт ощущение отсталости и бесперспективности, выстраивая чёткие ассоциации с Северной Кореей. В связи с проблемой переустройства региональной транспортной инфраструктуры автор говорит о том, что «...соединение транспортных артерий... способно... „перезапустить“ всю логистику СВА» [31, с. 4]. «Перезапуск» подразумевает наличие системы, которая зависла или работает некорректно, и оператора, который исправит ошибку.

Лю Юйянь, говоря о ситуации с северокорейской воной, пишет: «...как только туристы обменяют валюту на воны, они не могут вывезти их из КНДР или обменять обратно... это означает серьёзное обесценивание воны» [18, с. 57]. Хотя в данном случае автор не использует метафор, он создаёт у читателя представление о воне как о деньгах, которые не выполняют своих функций, что подрывает доверие к КНДР как к серьёзному экономическому партнёру.

Наконец, клише «дружественная общественная база» представляет дружбу между народами как некий материал, на котором можно строить политические конструкции. Эта метафора встречается у Тан И, который пишет о необходимости укреплять гуманитарные связи [23, с. 37].

Таким образом, в метафорах академического дискурса за КНДР закрепляется роль пассивного объекта, нуждающегося в поддержке старшего партнёра. Северная Корея — это попутчик, утопающий, механизм, выдающий ошибку, государство без реальных денег и база для китайских экономических и политических конструкций.

Важно отметить, что китайские эксперты в зависимости от специализации и исследовательских задач видят КНДР под разными углами и делают акцент на разных аспектах. Экономисты и специалисты по приграничной торговле смотрят с точки зрения бизнеса и конкретных проектов: насколько выгодно и безопасно работать с северокорейскими партнёрами. Для них КНДР — это сложный и рискованный рынок, где невозможно работать без поддержки государства. Политологи рассматривают КНДР как стратегического союзника через призму отношений Китая с США и общей ситуации в регионе. Эксперты аналитических центров предлагают конкретные решения по организации сотрудничества. Вместе учёные создают объёмную картину, в которой КНДР одновременно предстаёт и как проблема, и как актив, и как объект для приложения усилий.

ПОЛИТИЧЕСКИЙ ДИСКУРС

Если в академической среде можно обсуждать проблемы, критиковать, предлагать жёсткие решения, то официальный дискурс строится иначе. Задача официальных заявлений и документов — продемонстрировать лояльность линии партии и не создавать лишних сложностей в международных отношениях.

В проекте 13-го пятилетнего плана (2016—2020), представленном Госкомитетом по развитию и реформам, первоначально предполагалось включение сотрудничества с КНДР. Однако после принятия резолюции Совета Безопасности ООН о санкциях против Северной Кореи (в ответ на ядерное испытание в январе 2016 г.) никаких упоминаний о КНДР в итоговом документе нет: Пекин заявил о намерении укреплять сотрудничество в СВА с Россией, Японией и Южной Кореей, но не упомянул КНДР. В 14-м пятилетнем плане (2021—2025) [30] прямого указания на отношения с КНДР нет. В разделе о внешней политике использованы общие формулировки (глава 41 «Совместное строительство „Пояса и пути“»), упоминаются конкретные направления — Корейский полуостров, СВА, а конкретные страны не называются. В документе расписано сотрудничество в рамках «Пояса и пути» со странами Центральной Азии, АСЕАН, но инициатив, напрямую касающихся Корейского полуострова, нет. В разделах, посвящённых национальной и общественной безопасности (глава 15 «Комплексное развитие и безопасность: построение безопасности Китая высокого уровня»), обсуждаются общие угрозы и вызовы, но геополитика

не затронута. Несмотря на исключение Северной Кореи из плана на 13-ю пятилетку, а также тот факт, что в плане на 14-ю пятилетку КНДР отсутствует, председатель Ким Чен Ын направил послание китайскому народу, в котором выразил пожелание: «...успехов в ходе выполнения заданий 14-й пятилетки и всестороннего строительства современного социалистического государства» [9]. Такая символическая поддержка является важным ритуальным жестом в двусторонних отношениях и демонстрирует, что на высшем политическом уровне двух стран сохраняется позитивная риторика.

Если позиция Пекина выглядит сдержанной, то на провинциальном уровне ситуация меняется. Основными акторами взаимодействия с КНДР выступают три провинции — Ляонин, Цилинь и Хэйлунцзян. Проанализировав доступные официальные документы, можно сделать вывод, что КНДР не фигурирует в провинциальных планах как отдельный партнёр, а включается в контекст региональных стратегий. Далее мы рассмотрим дискурс в каждой из вышеназванных провинций.

Провинция Ляонин

В 14-м пятилетнем плане пров. Ляонин КНДР упоминается в разделе, посвящённом превращению провинции в «центр экономического и торгового сотрудничества в Северо-Восточной Азии», где говорится о задаче «углублять экономическое и торговое сотрудничество Китая, Японии и Республики Корея, а также участвовать в строительстве экономического коридора Китай — Монголия — Россия» [17]. В этом же контексте ставится задача «открытости к Японии, Корее и КНДР» и развития «зоны взаимной приграничной торговли в Даньдуне» (глава 12, раздел 2) [17]. Таким образом, дискурс сотрудничества с КНДР выступает частью более широкого дискурса глобальных проектов.

Ляонин, имеющий с КНДР сухопутную границу (через Даньдун), включает её в контекст приграничной торговли и северо-восточной интеграции. Акцент здесь делается на управлении экономическими процессами (торговля, инфраструктура), а не на политических декларациях. Официальная риторика Ляонина рассматривает связи с КНДР как рутинную административную работу. В структуре Отдела управления пограничными вопросами правительства пров. Ляонин двусторонние связи являются частью бюрократического управления границей, пунктами пропуска и побратимскими связями. Документы, такие как «Мнения по усилению управления проектами

приграничного рыболовного сотрудничества с КНДР», опубликованные Департаментом океанологии и рыболовства пров. Ляонин, написаны сухим, официальным языком, фокусируются на квотах, сертификатах, безопасности мореплавания. Приграничное сотрудничество в документах деполитизировано и представляется как обычная хозяйственная деятельность, что снижает риск того, что локальные инциденты перерастут в дипломатические проблемы. Прямое требование к бизнесу «не влиять на общую дипломатическую ситуацию», а к китайским рыболовным судам и предпринимателям подчиняться приказу о «немедленном возвращении» на территорию Китая [16] — это ключевой маркер. Он показывает, что дискурс провинции не просто повторяет лозунги о дружбе, а делает акцент на механизмах, гарантирующих, что распределение ответственности на провинциальный уровень не станет угрозой для государственной стратегии Пекина в отношении Пхеньяна.

Несмотря на прагматизм, в официальной риторике Ляонина активно воспроизводятся лозунги «братской дружбы». Новостные сообщения о визитах делегаций, возложении цветов к памятникам и встречах с корейскими чиновниками играют важную роль. Они создают публичный фасад отношений, который соответствует официальной линии Пекина о «традиционной дружбе, скреплённой кровью». Подчёркивание статуса Ляонина как «единственного приморского и приграничного региона на северо-востоке» в контексте встреч с послом КНР в КНДР [13] — это способ заявить о своей уникальной роли в выполнении государственной задачи по поддержанию добрососедства.

Анализ ограниченного числа официальных источников с упоминанием КНДР позволяет сделать вывод, что Ляонин позиционирует себя не как самостоятельный актор, формирующий политику, а как квалифицированный менеджер приграничного пространства. Главная задача — продемонстрировать, что провинция способна обеспечивать стабильность и порядок на границе, не создавая проблем для большой дипломатии и одновременно поддерживая видимость нерушимой дружбы через мягкую силу.

Провинция Цзилинь

План Цзилини, утверждённый в конце 2020 г., содержит прямые отсылки к инфраструктурным проектам с КНДР. В разделе, посвящённом созданию «важного окна открытости

на Север», провинция ставит задачу «ускорить реконструкцию и повышение скорости существующих китайско-корейских железных дорог» и оказывать «содействие комплексному развитию приграничных зон экономического сотрудничества с КНДР и специальных функциональных зон за рубежом» (п. 42) [29]. Это самое конкретное упоминание КНДР среди всех трёх провинций. Цилинь смотрит на КНДР как на участника экономической интеграции, делая акцент не на ритуалах, а на модернизации железных дорог и создании трансграничных экономических зон.

Прямые заявления провинциальных политиков относительно Северной Кореи в ходе исследования обнаружить не удалось. Однако есть важный факт, связанный с участием представителей провинции в многосторонних мероприятиях с КНДР. Так, вице-губернатор пров. Цилинь Лю Кай принял участие в Четвёртом круглом столе по сотрудничеству в СВА, который прошёл в Чанчуне в августе 2025 г. Его выступление было посвящено общим перспективам многостороннего регионального сотрудничества и, хотя не содержало конкретики в адрес КНДР, демонстрировало открытость к сотрудничеству со всеми соседями. В мероприятии принимали участие представители нескольких стран, включая КНДР, Россию, Японию, Южную Корею и Монголию [12].

Отсутствие отдельных высказываний в отношении КНДР может быть особенностью самого дискурса провинции — говорить о КНДР не в двустороннем ключе, а в контексте регионального сотрудничества в СВА. В Цилини публичная риторика смещена в сторону экономических и инфраструктурных проектов, где Северная Корея — один из участников. Заявления сосредоточены на конкретных, деполитизированных точках: «строительство логистических каналов», «промышленные инновации», «культурные обмены» [14; 15; 20], а сами политические отношения с КНДР не являются предметом обсуждения. Это подчёркивает прагматичный подход и позиционирует Цилинь не просто как приграничный регион, а как хаб для всего северо-восточного региона.

С другой стороны, КНДР остаётся сложным и непредсказуемым партнёром. Любое конкретное обещание или деталь, озвученные публично, могут стать проблемой, если ситуация на границе или в политике изменится. «Рамочный» дискурс — это способ обезопасить себя: если совместный проект не удастся реализовать, это не будет восприниматься как провал конкретных договорённостей провинции, поскольку никаких громких заявлений не было.

Провинция Хэйлунцзян

В отношении официального дискурса Хэйлунцзяна дать развёрнутый и подтверждённый документами анализ, аналогичный сделанному для пров. Ляонин и Цзилинь, не представляется возможным. Провинция не имеет общей границы с КНДР, и контакты не связаны с регулярным административным управлением, а потому в открытых источниках практически нет прямых заявлений или директив от местных властей. Хэйлунцзян выступает как проводник «мягкой силы», и его взаимодействие с КНДР носит менее публичный и более специализированный характер. Отделы пропаганды северо-восточных провинций Китая, включая Хэйлунцзян, а также Ляонин и Цзилинь, реализуют скоординированную стратегию по распространению китайского культурного контента. Пекин, воспользовавшись тем, что «контроль Северной Кореи над китайским культурным контентом ослаб, в то же время жёстко подавляется южнокорейский контент» [6], с 2023—2024 гг. реализует программу «культурного развития и сотрудничества». «Китай планирует переводить контент, демонстрирующий китайский образ жизни и культуру, на корейский язык, используя северокорейский диалект». Ключевую роль в этом процессе играют посредники — «корейцы, проживающие на северо-востоке Китая, которые занимаются переводами». Эффективность такого подхода подтверждается статистикой: согласно опросу 2024 г., «88,4% респондентов назвали „Китай“ источником потребляемого ими иностранного культурного контента» [6]. Так Китай стремится заполнить идеологические лакуны и сформировать прокитайские настроения в северокорейском обществе. Хэйлунцзян, вероятно, делает ставку на использование своих ресурсов и географического положения для реализации общегосударственных задач, провинция может фокусироваться на «мягкой силе» — производстве и адаптации контента, вещании на приграничные районы, использовании корейской диаспоры как моста для культурного проникновения. В свою очередь, КНДР предстаёт не столько как политический союзник или экономический партнёр, сколько как реципиент культурного и идеологического влияния.

Таким образом, можно говорить о негласном распределении ролей. Ляонин, с его мощной промышленной базой и выходом к морю, берёт на себя роль публичного «лица» китайско-корейской дружбы (ритуалы, встречи). Цзилинь, имеющая сухопутную границу и давние исторические связи, может быть сосредоточена на функциональной работе — управлении потоками

товаров, людей и поддержании инфраструктуры. Роль Хэйлунцзяна как «культурного моста» является наименее политизированной, но работает на долгосрочную перспективу формирования общественного мнения в соседней стране.

Характеристика позиции Пекина

Основываясь на предыдущем анализе, можно сделать следующий вывод о нарративах Пекина в отношении КНДР. Это осознанная политика, которая позволяет центральному правительству сохранять баланс между международными обязательствами, региональной стабильностью и географической близостью с Северной Кореей, и проявляется она через четыре ключевые характеристики.

1. Ритуальная основа: «традиционная дружба, скреплённая кровью». На самом высоком, символическом уровне Пекин поддерживает риторику неизменности — «всепогодное партнёрство» [26]. Это своего рода «фундамент», на котором строятся все остальные, более прагматичные решения. Это создаёт необходимый позитивный фон и легитимизирует контакты на нижних уровнях.

2. Стратегический прагматизм: «денуклеаризация» уходит из мейнстрима. Самым важным изменением последних лет (особенно 2024—2025 гг.) стало исключение термина «денуклеаризация Корейского полуострова» из ключевых стратегических документов (например, из Белой книги по контролю над вооружениями) [8]. По мнению экспертов, Пекин больше не готов тратить политический капитал на давление на Пхеньян в этом вопросе. Вместо этого используется более размытая формулировка — «политическое урегулирование». Это можно расценивать как молчаливое принятие ядерного статуса КНДР как данности, с которой нужно жить, а не пытаться её изменить.

3. Двухуровневое управление: «Пекин молчит, провинции делают». Пекин хранит молчание, под завесой которого провинции могут вести прагматичную работу. Отсутствие упоминаний КНДР или крайне осторожное упоминание в пятилетних планах КНР помогает избегать проблем с санкционным режимом ООН и не провоцировать Запад. На провинциальном уровне Ляонин и Цзилинь в своих планах указывают направления, связанные с хозяйственным управлением границей и экономикой. Пекин рассматривает КНДР прежде всего как приграничную территорию, где не должно быть беспорядков, беженцев или военных провокаций, которые втянут Китай в конфликт.

Это показывает, что для КНР отношения с КНДР — это область управления рисками, а не «кровного братства».

4. Нейтралитет и балансирование. На международной арене Пекин использует дискурс «беспристрастности» и «добрососедства». Для внешнего мира Китай демонстрирует, что КНДР не является частью его стратегического экономического планирования. Но на уровне провинций хозяйственно-экономическое взаимодействие продолжает существовать. Эта риторика позволяет Китаю одновременно голосовать за санкции СБ ООН (чтобы не ссориться с Западом) и саботировать их жёсткое исполнение на своей границе (чтобы не ссориться с КНДР).

На поверхности политического взаимодействия двух стран располагаются ритуалы братской дружбы. В стратегических документах — молчание о ядерной проблеме. На границе — деполитизированное управление с оглядкой на столицу, направленное на извлечение выгоды на местах и предотвращение хаоса. КНДР для Пекина в политическом дискурсе — это не стратегический актив и не младший брат, а постоянный фактор, который нужно «держат близко», но контролировать жёстко и прагматично.

«ОКОЛОПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЙ» ДИСКУРС: ИНСТРУМЕНТАЛИЗАЦИЯ ОБРАЗА КНДР В СТРАТЕГИЧЕСКИХ КОММУНИКАЦИЯХ

Между академическим дискурсом, допускающим относительно свободный анализ проблем и рисков, и официальным дискурсом, отличающимся ритуальной сдержанностью и стратегическим молчанием, существует экспертно-пропагандистский «околоправительственный» дискурс. Он реализуется на платформах, имеющих отношение к государственным структурам или национальным аналитическим центрам, и выполняет функцию формирования общественного мнения, поскольку передаёт официальную позицию в более развёрнутом ключе и подготавливает почву для принятия политических инициатив.

Так, материал, опубликованный сетью «Чжунго шэжуэй кэсюэ»², представляет собой развёрнутую программу трёхстороннего сотрудничества Китая, России и КНДР в бассейне р. Туманной. В нём выстраивается образ Северной Кореи как «нуждающегося партнёра» и «функционального участника».

² 中国社会科学网, «Китайская сеть общественных наук».

С одной стороны, авторы подчёркивают заинтересованность Пхеньяна во внешней поддержке: «Для экономического развития Северная Корея также надеется получить финансовую поддержку и инвестиции от разных стран. Если КНДР хочет усилить свои связи с внешним миром, ей необходимо сначала совершить прорыв в экономических отношениях» [22]. Этот нарратив ставит Китай в позицию естественного организатора и донора интеграционных процессов. С другой стороны, при описании конкретных проектов КНДР отводится строго определённая подчинённая функция: «Ожидается, что Северная Корея предоставит человеческие ресурсы и некоторые строительные материалы, а Россия предоставит оборудование» [22]. В этой трёхсторонней схеме Китай выступает лидером и организатором, Россия — поставщиком оборудования, а КНДР — источником дешёвой рабочей силы и базовых материалов. Также в публикации акцент сделан на геополитической ценности Северной Кореи как территориального «коридора»: «Поскольку р. Туманная соединена с морем, наша страна может напрямую выйти в Северный Ледовитый океан и Японское море» [22]. Таким образом, сотрудничество с КНДР предстаёт как территориальный актив, открывающий Китаю доступ к стратегически важным морским маршрутам. При этом формально равноправие сторон фиксируется через предложения о создании совместных экспертных советов и переговорах о зоне свободной торговли. Однако выше уже описаны роли, которые Китай отводит каждому участнику, поэтому иерархия этой структуры очевидна.

Ещё одним «околоправительственным» материалом служит статья Ван Цяожун, опубликованная национальным аналитическим центром при Океаническом университете Китая. Она ещё больше коррелируется с официальной линией Пекина и представляет собой программный отчёт о тридцатилетии сотрудничества в регионе. История развития отношений описывается как последовательное, успешное движение к целям, закреплённым в пятилетних планах. КНДР здесь предстаёт как равноправный и необходимый партнёр, без участия которого полноценное развитие региона невозможно. Показательна стратегия, изложенная автором: «В среднесрочной перспективе основное внимание будет уделяться совместному развитию региона Туманган в КНДР. На более позднем этапе Китай, Северная Корея и Россия будут совместно развивать дельту р. Туманной» [24]. Этот тезис связывается автором с глобальной китайской инициативой: «содействовать скоординированному развитию российских и северокорейских портов, сопрягая

„Один пояс, один путь“ в СВА и создавая стратегическую точку опоры вокруг Японского моря» [24]. В тексте отсутствуют какие-либо упоминания о международных санкциях, ядерной проблеме или политической напряжённости, что создаёт образ «нормального» экономического пространства, где сотрудничество развивается по заранее намеченным планам.

Материалы этого уровня объединены общими чертами:

- *Функциональная иерархия.* Северная Корея обладает стратегически важным географическим положением и трудовыми ресурсами, но в публикациях она неизменно выступает в роли подчинённого партнёра.
- *Стратегическое планирование.* Участие КНДР в региональных проектах рассматривается как естественный элемент поэтапно реализуемой китайской стратегии открытости Северо-Востока.
- *Деполитизация экономического сотрудничества.* Политические противоречия и санкции не упоминаются, как будто они не способны помешать интеграции.
- *Аргументация и позитивный вектор.* В отличие от официальных документов, «околоправительственные» материалы содержат развёрнутые формулировки, при этом отсутствует любая критика и игнорируются проблемные точки сотрудничества, которые обычно рассматриваются в академических статьях.

Таким образом, экспертно-пропагандистский дискурс играет роль связующего звена между академическим взглядом и официальной риторикой. Он переводит конкретные предложения экспертов (инфраструктурные проекты, зоны свободной торговли, инвестиционные фонды) в публичное поле, одновременно учитывая правительственные рамки. КНДР в этом дискурсе предстаёт как инструмент, необходимый для реализации китайских стратегических интересов, но функционально подчинённый и лишённый политической самостоятельности. Это иллюстрация того, как под прикрытием «равноправного партнёрства» последовательно выстраивается прагматичная, иерархичная модель взаимодействия, где каждая из сторон выполняет строго отведённую ей функцию.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведённый анализ позволяет сделать вывод о существовании в Китае устойчивой многоуровневой дискурсивной рамки в отношении КНДР. В академической среде формируется образ

КНДР как «проблемного актива», являющегося одновременно бременем и ресурсом, источником проблем и объектом стратегических расчётов. Официальный дискурс строится на принципиально иных основаниях.

На высшем уровне доминирует стратегическое молчание и ритуальная риторика. Исключение термина «денуклеаризация» из ключевых стратегических документов и замена его на размытое понятие «политическое урегулирование» свидетельствует о молчаливом принятии ядерного статуса КНДР. При этом ритуальная составляющая конструирует необходимый символический фасад, легитимирующий любые, даже сугубо прагматичные, шаги на нижних уровнях. На провинциальном уровне официальный дискурс приобретает черты деполитизированного управления. КНДР здесь фигурирует не как политический партнёр, а как объект приграничного хозяйствования. При этом учитываются в первую очередь интересы дипломатии Пекина. Промежуточное положение занимает «околоправительственный» дискурс. В нём КНДР представлена как необходимый подчинённый участник региональных проектов — поставщик рабочей силы, территориальный коридор, база для реализации китайской стратегии. Полная деполитизация экономической повестки создаёт образ «адекватного» пространства сотрудничества. Сопоставление всех трёх уровней позволяет обозначить общую дискурсивную рамку, которую можно охарактеризовать как «многоуровневый прагматизм». Её ключевые характеристики:

- *ритуальный фасад* (поддержание на высшем уровне риторики «традиционной дружбы»);
- *стратегическое молчание* (минимизация публичных упоминаний КНДР в ключевых документах, позволяющая избегать конфликтов с международным санкционным режимом);
- *делегирование работы провинциям* (передача функций по управлению приграничным взаимодействием при жёстком контроле за соблюдением общеполитической линии);
- *функциональная иерархия* (закрепление за КНДР роли подчинённого партнёра, чья ценность определяется географическим положением и трудовыми ресурсами, но не политической самодостаточностью);
- *деполитизация проблем* (перевод острых вопросов, таких как ядерная программа, санкции, либо в зону молчания, либо в плоскость технических, «управляемых» задач).

В этой дискурсивной рамке КНДР предстаёт не как «младший брат» или идеологический союзник и не как равноправ-

ный партнёр. Это актив, которым нужно управлять, чьи риски необходимо контролировать, а потенциал использовать в интересах национальной безопасности и регионального развития Китая.

Проведённый анализ имеет практическое значение для российского Дальнего Востока. Ляонин, Цилинь и Хэйлунцзян, выступающие ключевыми акторами взаимодействия с КНДР, являются непосредственными соседями дальневосточных регионов, где сопрягаются международные инфраструктурные инициативы (модернизация портов, трансграничные мосты, зоны сотрудничества в бассейне р. Туманной). Понимание выявленных дискурсивных механизмов позволяет российским исследователям и политикам точнее интерпретировать сигналы, исходящие от китайских экспертов и официальных структур. За риторикой «братской дружбы» и «равноправного партнёрства» необходимо видеть прагматичную, функционально-иерархичную модель, в которой каждому участнику (включая Россию) отводится строго определённая роль — например, поставщика технологий или ресурсов. Для российского Дальнего Востока это означает необходимость обозначать собственные интересы в трёхсторонних проектах, не полагаясь исключительно на китайскую инициативу, и учитывать, что за фасадом китайского деполитизированного менеджмента скрывается продуманная конструкция, в которой именно Пекин выступает архитектором, а соответственно, и выгодополучателем.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

1. Асмолов К.В. Начало нового этапа китайско-северокорейских отношений (2018—2020 гг.) // Проблемы Дальнего Востока. 2021. № 2. С. 243—261.
2. Вакс Р.В. Развитие экономического и политического взаимодействия Китая и КНДР под воздействием международных санкций // Известия Восточного института. 2018. № 4. С. 42—53.
3. Ван Дейк Т.А. Дискурс и власть: репрезентация доминирования в языке и коммуникации / пер. с англ. М.: URSS, 2013. 344 с.
4. Ланцова И.С. Эволюция отношений КНР и КНДР в конце XX — начале XXI в. // ПОЛИТЭК. 2014. Т. 10. № 3. С. 249—259.
5. Cathcart A., Green C. Xi's Belt: Chinese — North Korean Relations // Chinese Foreign Policy Under Xi. London: Routledge, 2017. P. 130—143.
6. China's Soft Power Play in North Korea. July 22, 2025. URL: <https://newsguard.ca/chinas-soft-power-play-in-north-korea/> (дата обращения: 11.01.2026).

7. Lakoff G., Johnson M. *Metaphors We Live by*. Chicago: The University of Chicago Press, 2003. 276 p.
8. Liu Xuanzun, Guo Yuandan. China Releases Arms Control White Paper in New Era; 'Document Injects Positive Energy, Safeguards Developing Nations' Rights'. November 27, 2025. URL: <https://www.globaltimes.cn/page/202511/1349241.shtml> (дата обращения: 17.01.2026).
9. Respected Comrade Kim Jong Un Sends Reply Message to President of State Affairs of China. September 23, 2025. URL: <http://kcna.kp/en/article/q/ac00b40bb83dd20eda0f11c718c095b4.kcmsf> (дата обращения: 06.03.2026).
10. Wodak R., Meyer M. *Methods of Critical Discourse Studies*. 3rd ed. London: SAGE Publ., 2015. 253 p.
11. 陈明辉. 吉林省面向日本海发展海洋经济的思考 = Чэнь Минхуэй. Размышления о развитии морской экономики пров. Цилинь, обращённой к Японскому морю // 东北亚经济研究. 2020. № 6. С. 91—99.
12. 第四届东北亚地方合作圆桌会议在长春召开 = В Чанчуне прошёл Четвёртый круглый стол по региональному сотрудничеству в Северо-Восточной Азии. 27 августа 2025 г. URL: http://jl.gov.cn/yaowen/202508/t20250827_3493623.html (дата обращения: 16.01.2026).
13. 郝鹏李乐成会见中国驻朝鲜大使王亚军 = Хао Пэн, Ли Лэчэн встретились с послом КНР в КНДР Ван Яцзюнем. 9 января 2024 г. URL: <https://lndj.gov.cn/portaluploads/html/info/49171.html> (дата обращения: 11.01.2026).
14. 吉林建设更高水平开放型经济新体制 = Пров. Цилинь формирует новую экономическую систему открытого типа более высокого уровня // 人民日报. 2025. 15 июня. URL: <http://cpc.people.com.cn/n1/2025/0615/c64387-40500755.html> (дата обращения: 16.01.2026).
15. 看吉林如何构建特色现代化产业体系 = Как пров. Цилинь создаёт уникальную современную промышленную систему // 吉林日报. 2026. 7 марта. URL: http://jlrbzsb.dajilin.com/pc/paper/c/202603/07/content_1044884.html (дата обращения: 16.01.2026).
16. 辽宁省海洋与渔业厅关于印发加强与朝鲜民间渔业合作项目管理工作的函 (辽海渔发机电〔2009〕124号) = Официальное письмо Департамента океанологии и рыболовства пров. Ляонин об издании и направлении Мнений по усилению управления проектами приграничного рыболовного сотрудничества с КНДР (Срочное распоряжение Департамента океанологии и рыболовства пров. Ляонин по вопросам рыболовства № 124 от 2009 г.). 29 августа 2009 г. URL: <https://www.pkulaw.com/lar/f8d0c4d9df8da6b7a7f258658414f73ebdfb.html> (дата обращения: 11.01.2026).
17. 辽宁省人民政府关于印发《辽宁省国民经济和社会发展第十四个五年规划和二〇三五年远景目标纲要》的通知 (辽政发〔2021〕9号) = Уведомление Народного правительства пров. Ляонин о публикации и распространении «Основных положений программы социально-экономического развития пров. Ляонин на четырнадцатую пятилетку (2021—2025) и перспективных целей развития до 2035 г.» (Документ Народного правительства пров. Ляонин № 9 за 2021 г.). 30 марта 2021 г. URL: <https://www.ln.gov.cn/web/zwgkx/lnsrnzfgb/2021n/zk/zk5/szfwj/3707D039BBDA4EEDA1812502983F6A8E/index.shtml> (дата обращения: 11.01.2026).
18. 刘禹妍. 中朝经济合作对朝鲜经济发展的作用分析 = Лю Юйянь. Анализ роли китайско-северокорейского экономического сотрудничества в развитии экономики КНДР // 中国学术期刊电子杂志社. 2020. № 2. С. 55—59.

19. 牟岱. 积极推进建立中俄朝经贸合作区, 主导东北亚格局和平化发展 = 吾 岱. Активно продвигать создание зоны экономического и торгового сотрудничества Китая, России и КНДР, возглавить мирное развитие структуры в Северо-Восточной Азии. 10 марта 2022 г. URL: https://www.guancha.cn/MouDai/2022_03_10_629400.shtml (дата обращения: 27.07.2025).
20. 守文脉 出精品 兴产业——我省“十四五”时期文化强省建设述评 = Храня культурный код, создавая шедевры, развивая индустрию — обзор строительства сильной в культурном отношении провинции в период «четырнадцатой пятилетки». 13 ноября 2025 г. URL: http://jl.gov.cn/yaowen/202511/t20251113_3511129.html (дата обращения: 16.01.2026).
21. 权哲男, 李庚倩. 朝鲜矿产资源: 储量丰、开发弱, 合作潜力大 = Цюань Чжэнань, Ли Гэнцянь. Минеральные ресурсы КНДР: богатые запасы, слабое освоение, большой потенциал для сотрудничества // World Affairs. 2018. № 17. С. 25—27.
22. 深化中俄朝图们江区域合作 = Углубление регионального сотрудничества Китая, России и КНДР в бассейне р. Туманной. 9 сентября 2021 г. URL: <https://baijiahao.baidu.com/s?id=1710353332401126000&wfr=spider&for=pc> (дата обращения: 17.01.2026).
23. 唐亦. “一带一路”下中朝经贸合作 = Тан И. Экономическое и торговое сотрудничество между Китаем и КНДР в рамках инициативы «Один пояс, один путь» // 经济视角. 2018. № 2. С. 37—38.
24. 王巧荣. 中国一如既往地推进图们江区域的合作开发 = Ван Цяожун. Китай неизменно продвигает сотрудничество и развитие в регионе р. Тумэньцзян. 30 мая 2024 г. URL: http://aoc.ouc.edu.cn/_t719/2024/0530/c9821a465751/page.htm (дата обращения: 15.07.2025).
25. 王亚军. 让鲜血凝成的中朝友谊世代传承 = Ван Яцзюнь. Пусть дружба, скреплённая кровью, передаётся из поколения в поколение. 23 октября 2025 г. URL: <https://world.people.com.cn/n1/2025/1023/c1002-40587307.html> (дата обращения: 11.03.2026).
26. 新时代中朝关系赋予两国青年更多机遇和更大责任 = Отношения Китая и КНДР в новую эпоху открывают перед молодёжью обеих стран новые горизонты и налагают на неё высокую ответственность. 20 ноября 2025 г. URL: https://kp.china-embassy.gov.cn/chn/zxxx/202511/t20251120_11756650.htm (дата обращения: 18.02.2026).
27. 赵发顺, 寇宇. 四类关系模式下的中朝韩关系——兼论中国在朝鲜半岛的战略选择 = Чжао Фашунь, Коу Юй. Отношения Китая с КНДР и Республикой Корея в рамках четырёх моделей взаимодействия и стратегический выбор Китая на Корейском полуострове // 中共济南市委党校学报. 2017. № 4. С. 63—66.
28. 郑志超. 战略竞争下的中朝关系: 认知、现状与前景 = Чжэн Чжичао. Отношения Китая и КНДР в эпоху стратегической конкуренции: оценки, реалии и прогнозы // China Journal of Political Economy. 2023. № 3. С. 126—137.
29. 中共吉林省委关于制定吉林省国民经济和社会发展第十四个五年规划和二〇三五年远景目标的建议 = Предложения ЦК КПК пров. Цзилинь по разработке четырнадцатой пятилетней программы социально-экономического развития пров. Цзилинь и перспективных целей до 2035 г. 4 декабря 2020 г. URL: <http://jl.people.com.cn/n2/2020/1209/c349771-34463897-4.html> (дата обращения: 11.01.2026).

30. 中华人民共和国国民经济和社会发展第十四个五年规划和2035年远景目标纲要 = Программа экономического и социального развития КНР на четырнадцатую пятилетку (2021—2025) и долгосрочные цели до 2035 г. 13 марта 2021 г. URL: http://www.gov.cn/xinwen/2021-03/13/content_5592681.htm (дата обращения: 11.01.2026).
31. 抓住中俄朝关系友好历史契机打通图们江出海口 = Использование исторической возможности дружественных отношений Китая, России и КНДР для открытия выхода к морю через р. Туманную. Пекин: Grandview Institution, 2020. 8 с.

REFERENCES

1. Asmolov K.V. Nachalo novogo etapa kitaysko-severokoreyskikh otnosheniy (2018—2020 gg.) [The Beginning of a New Stage in China-North Korea Relations (2018—2020)]. *Problemy Dal'nego Vostoka*, 2021, no. 2, pp. 243—261. (In Russ.)
2. Vaks R.V. Razvitiye ekonomicheskogo i politicheskogo vzaimodeystviya Kitaya i KNDR pod vozdeystviyem mezhdunarodnykh sanktsiy [The Development of Economic and Political Interaction between China and the DPRK under the Influence of International Sanctions]. *Izvestiya Vostochnogo instituta*, 2018, no. 4, pp. 42—53. (In Russ.)
3. Van Deyk T.A. *Diskurs i vlast': reprezentatsiya dominirovaniya v yazyke i kommunikatsii* [Discourse and Power: Representation of Dominance in Language and Communication]. Transl. from English. Moscow, URSS Publ., 2013, 344 p. (In Russ.)
4. Lantsova I.S. Evolyutsiya otnosheniy KNR i KNDR v kontse XX — nachale XXI v. [The Evolution of Relations between China and North Korea in the Late 20th — Early 21st Centuries]. *POLITEKS*, 2014, vol. 10, no. 3, pp. 249—259. (In Russ.)
5. Cathcart A., Green C. Xi's Belt: Chinese — North Korean Relations. *Chinese Foreign Policy Under Xi*. London, Routledge Publ., 2017, pp. 130—143. (In Eng.)
6. *China's Soft Power Play in North Korea*. July 22, 2025. Available at: <https://newsguard.ca/chinas-soft-power-play-in-north-korea/> (accessed 11.01.2026). (In Eng.)
7. Lakoff G., Johnson M. *Metaphors We Live by*. Chicago, The University of Chicago Press, 2003, 276 p. (In Eng.)
8. Liu Xuanzun, Guo Yuandan. *China Releases Arms Control White Paper in New Era; 'Document Injects Positive Energy, Safeguards Developing Nations' Rights'*. November 27, 2025. Available at: <https://www.globaltimes.cn/page/202511/1349241.shtml> (accessed 17.01.2026). (In Eng.)
9. *Respected Comrade Kim Jong Un Sends Reply Message to President of State Affairs of China*. September 23, 2025. Available at: <http://kcna.kp/en/article/q/ac00b40bb83dd20eda0f11c718c095b4.kcmsf> (accessed 06.03.2026). (In Eng.)
10. Wodak R., Meyer M. *Methods of Critical Discourse Studies*. 3rd ed. London, SAGE Publ., 2015, 253 p. (In Eng.)

11. 陈明辉吉林省面向日本海发展海洋经济的思考 [Chen Minghui. Reflections on the Development of Marine Economy in Jilin Province Facing the Sea of Japan]. *东北亚经济研究*, 2020, no. 6, pp. 91—99. (In Chin.)
12. 第四届东北亚地方合作圆桌会议在长春召开 [The Fourth Northeast Asia Cooperation Roundtable Was Held in Changchun]. August 27, 2025. Available at: http://jl.gov.cn/yaowen/202508/t20250827_3493623.html (accessed 16.01.2026). (In Chin.)
13. 郝鹏李乐成会见中国驻朝鲜大使王亚军 [Hao Peng and Li Lecheng Met with Chinese Ambassador to the DPRK Wang Yajun]. January 9, 2024. Available at: <https://lndj.gov.cn/portaluploads/html/info/49171.html> (accessed 11.01.2026). (In Chin.)
14. 吉林建设更高水平开放型经济新体制 [Jilin Builds a New System of Open Economy at a Higher Level]. *人民日报*, 2025, June 15. Available at: <http://cpc.people.com.cn/n1/2025/0615/c64387-40500755.html> (accessed 16.01.2026). (In Chin.)
15. 看吉林如何构建特色现代化产业体系 [How Jilin Builds a Unique Modern Industrial System]. *吉林日报*, 2026, March 7. Available at: http://jlrbzb.dajilin.com/pc/paper/c/202603/07/content_1044884.html (accessed 16.01.2026). (In Chin.)
16. 辽宁省海洋与渔业厅关于印发加强与朝鲜民间渔业合作项目管理工作的函 (辽海渔发明电〔2009〕124号) [Official Letter of the Department of Ocean and Fisheries of Liaoning Province on Issuing Opinions on Strengthening the Management of Civil Fishery Cooperation Projects with North Korea (Urgent Order of the Department of Ocean and Fisheries of Liaoning Province No. 124 of 2009)]. August 29, 2009. Available at: <https://www.pkulaw.com/lar/f8d0c4d9df8da6b7a7f258658414f73ebdfb.html> (accessed 11.01.2026). (In Chin.)
17. 辽宁省人民政府关于印发《辽宁省国民经济和社会发展的第十四个五年规划和二〇三五年远景目标纲要》的通知 (辽政发〔2021〕9号) [Notice of the People's Government of Liaoning Province on Issuing the “14th Five-Year Plan for National Economic and Social Development of Liaoning Province (2021—2035) and the Long-Range Objectives through the Year 2035” (Document of the People's Government of Liaoning Province No. 9 of 2021)]. March 30, 2021. Available at: <https://www.ln.gov.cn/web/zwgkx/lnsrnzfgb/2021n/zk/zk5/szfwj/3707D039BBDA4EEDA1812502983F6A8E/index.shtml> (accessed 11.01.2026). (In Chin.)
18. 刘禹妍中朝经济合作对朝鲜经济发展的作用分析 [Liu Yuyan. Analysis of the Role of China-DPRK Economic Cooperation in the Development of the DPRK Economy]. *中国学术期刊电子杂志社*, 2020, no. 2, pp. 55—59. (In Chin.)
19. 牟岱. 积极推进建立中俄朝经贸合作区, 主导东北亚格局和平化发展 [Mu Dai. Actively Promote the Establishment of a China-Russia-DPRK Economic and Trade Cooperation Zone and Lead the Peaceful Development of the Northeast Asian Pattern]. March 10, 2022. Available at: https://www.guancha.cn/MouDai/2022_03_10_629400.shtml (accessed 27.07.2025). (In Chin.)
20. 守文脉 出精品 兴产业——我省“十四五”时期文化强省建设述评 [Preserving Cultural Heritage, Creating Masterpieces, Developing Industry: A Review of the Cultural Construction in the Province during the “14th Five-Year Plan”]. November 13, 2025. Available at: http://jl.gov.cn/yaowen/202511/t20251113_3511129.html (accessed 16.01.2026). (In Chin.)

21. 权哲男, 李庚倩朝鲜矿产资源:储量丰、开发弱,合作潜力大 [Quan Zhenan, Li Gengqian. Mineral Resources of the DPRK: Rich Reserves, Weak Development, Great Potential for Cooperation]. *World Affairs*, 2018, no. 17, pp. 25—27. (In Chin.)
22. 深化中俄朝图们江区域合作 [Deepening China-Russia-DPRK Cooperation in the Tumen River Region]. September 9, 2021. Available at: <https://baijiahao.baidu.com/s?id=1710353332401126000&wfr=spider&for=pc> (accessed 17.01.2026). (In Chin.)
23. 唐亦 “一带一路”下中朝经贸合作 [Tang Yi. Economic and Trade Cooperation between China and the DPRK under the Belt and Road Initiative]. *经济视角*, 2018, no. 2, pp. 37—38. (In Chin.)
24. 王巧荣. 中国一如既往地推进图们江区域的合作开发 [Wang Qiaorong. China Unswervingly Promotes Cooperation and Development in the Tumen River Region]. May 30, 2024. Available at: http://aoc.ouc.edu.cn/_t719/2024/0530/c9821a465751/page.htm (accessed 15.07.2025). (In Chin.)
25. 王亚军. 让鲜血凝成的中朝友谊世代传承 [Wang Yajun. Let the China-DPRK Friendship Forged in Blood Be Passed on from Generation to Generation]. October 23, 2025. Available at: <https://world.people.com.cn/n1/2025/1023/c1002-40587307.html> (accessed 11.03.2026). (In Chin.)
26. 新时代中朝关系赋予两国青年更多机遇和更大责任 [The China-DPRK Relationship in the New Era Gives the Youth of the Two Countries More Opportunities and Greater Responsibilities]. November 20, 2025. Available at: https://kp.china-embassy.gov.cn/chn/zxxx/202511/t20251120_11756650.htm (accessed 18.02.2026). (In Chin.)
27. 赵发顺, 寇宇四类关系模式下的中朝韩关系——兼论中国在朝鲜半岛的战略选择 [Zhao Fashun, Kou Yu. China-DPRK-ROK Relations under Four Models of Interaction and China's Strategic Choice on the Korean Peninsula]. *中共济南市委党校学报*, 2017, no. 4, pp. 63—66. (In Chin.)
28. 郑志超. 战略竞争下的中朝关系:认知、现状与前景 [Zheng Zhichao. China-DPRK Relations Under Strategic Competition: Perceptions, Current Situation and Prospects]. *China Journal of Political Economy*, 2023, no. 3, pp. 126—137. (In Chin.)
29. 中共吉林省委关于制定吉林省国民经济和社会发展第十四个五年规划和二〇三五年远景目标的建议 [Proposals of the Jilin Provincial Committee of the CPC for Formulating the 14th Five-Year Plan for National Economic and Social Development of Jilin Province and the Long-Range Objectives through the Year 2035]. December 4, 2020. Available at: <http://jl.people.com.cn/n2/2020/1209/c349771-34463897-4.html> (accessed 11.01.2026). (In Chin.)
30. 中华人民共和国国民经济和社会发展第十四个五年规划和2035年远景目标纲要 [The 14th Five-Year Plan for National Economic and Social Development of the Peoples' Republic of China and the Long-Range Objectives through the Year 2035]. March 13, 2021. Available at: http://www.gov.cn/xinwen/2021-03/13/content_5592681.htm (accessed 11.01.2026). (In Chin.)
31. 抓住中俄朝关系友好历史契机打通图们江出海口 [Seizing the Historical Opportunity of Friendly Relations between China, Russia and the DPRK to Open the Tumen River Estuary to the Sea]. Beijing, Grandview Institution Publ., 2020, 8 p. (In Chin.)

Дата поступления в редакцию 17.03.2026